

АСТАШОВ Александр Борисович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры средневековья и нового времени историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва). Автор 70 научных публикаций, в т. ч. одной монографии и двух сборников документов*

ВОЕННЫЕ СУДЫ В ПЕТРОГРАДСКОМ ГАРНИЗОНЕ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Статья посвящена деятельности военных судов в Петрограде в 1915 – начале 1917 года. Автор ставит вопрос о способности военных властей правовыми мерами бороться с воинскими правонарушениями в Петроградском гарнизоне накануне Февральской революции. Данная проблема впервые рассматривается как в исторической, так и специальной литературе по истории государства и права. Объектом исследования выступают военные суды всех видов (от дисциплинарного до военно-полевого), законодательство о судах по воинским правонарушениям в ходе войны, практика правоприменения, послесудебная судьба правонарушителей. Целью работы является анализ деятельности военных судов на этапах предания суду, следствия, вынесения приговоров, анализ частоты и эффективности наказаний. Автор привлекает широкий комплекс архивных источников штабов и запасных бригад Петроградского военного округа. Стоит отметить, что важнейшей составляющей криминогенной обстановки в Петрограде во время Первой мировой войны оказались воинские правонарушения (дезертирство, членовредительство и т. п.). Именно это вело к подрыву воинской дисциплины в Петроградском гарнизоне и отражалось на качестве новых пополнений. Падению воинской дисциплины в гарнизоне были противопоставлены сеть военных судов, органы военной прокуратуры, система мест лишения свободы. Однако ввиду недостатка квалификации состава судей, противоречий между командованием различных инстанций в толковании подсудности и правоприменения в отношении нарушителей в деятельности военных судов наблюдалось смягчение наказания правонарушителей – вплоть до декриминализации ряда статей законов. Проанализировав динамику судопроизводства и правоприменения, автор делает вывод о неэффективности работы военных судов, которая и привела к скоплению массы нарушителей (дезертиров) в Петрограде, обусловившему подготовку военного бунта.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Петроградский гарнизон, дезертирство, военные суды, Февральская революция.*

---

*Адрес: 109012, Москва, ул. Никольская, д. 15; e-mail: astashsh@yandex.ru

Для цитирования: Асташов А.Б. Военные суды в Петроградском гарнизоне накануне Февральской революции // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 6. С. 5–15. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.6.5

В исследованиях, посвященных причинам Февральской революции [1–3], мало внимания уделяется анализу попыток военных властей остановить нарастание революционных настроений в Петрограде и Петроградском гарнизоне правовыми методами, включая и военные суды. В немногочисленной литературе по истории военных судов утверждается, что в отличие от периода Первой русской революции военно-полевые суды в 1917 году не смогли переломить «негативный ход истории и спасти государство от развала и хаоса». Вина за это возлагается на Николая II, который якобы «не захотел этого [перелома] или не смог» его обеспечить [4, с. 118]. В работах чаще рассматривается развитие военно-судебного законодательства во время Первой мировой войны, но не правоприменение [5, с. 168–177; 6, с. 114–212; 7; 8]. Между тем военно-судебная система в Петроградском гарнизоне имела важные особенности: наличие различных видов военного суда; возможность апробации множества военных законов в ходе судебной практики в сложной жизни многотысячного контингента столицы; многочисленность правонарушений, являвшихся одновременно и воинскими, и гражданскими преступлениями; стремление военных не просто наказать, но и сохранить контингент для пополнений.

Таким образом, представители военно-судебной системы в столице имели большой опыт в борьбе с правонарушениями. Каковы результаты деятельности военных судов по предотвращению нарастания революционных настроений – главная проблема данного исследования. Это диктует и цель статьи – проанализировать формы, практику, проблемы и последствия применения военных судов в отношении нарушителей военной дисциплины в Петроградском гарнизоне накануне Февральской революции. Объектом исследования являются все формы военного суда – от дисциплинарного до военно-полевого. Предметом исследования выступает эффективность правоприменения судебных и карательных практик в ходе нарастания правонарушений в Петроградском гарнизоне накануне Февральской революции.

Материалом для статьи послужили документы из фондов штабов Петроградского военного округа (Ф. 1343), 19-й пехотной запасной бригады (Ф. 7699) и управления запасных гвардейских частей (Ф. 16071), хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Несмотря на то, что многие дела этих фондообразователей пострадали во время Февральской революции, значительная их часть уцелела в различных описях фондов: дежурного генерала, разведывательного и контрразведывательного отделений штаба округа, штабов указанных запасных бригад. В целом сохранившиеся материалы позволяют провести качественное исследование по указанной теме.

Военные суды Петроградского гарнизона имели дело с большим контингентом военных Петроградского военного округа. Прежде всего это 22 запасные гвардейские части гарнизона, насчитывавшие на начало 1917 года 108 902 чел. Кроме того, в 1-й и 19-й пехотных запасных бригадах числилось 102 тыс. чел. Однако на начало 1917 года в черте Петрограда находилось только около 116 тыс. чел. из состава гвардейских и пехотных запасных частей [9, с. 19–20]. Суды имели дело и с многочисленными правонарушителями из прифронтовых частей [10, с. 71–72].

Крупной группой военных, находившихся в городе на нелегальном положении, были дезертиры. К 1 марта 1917 года только на Северном фронте было задержано 56 176 дезертиров. Многим удавалось избежать задержания, и практически все они стремились в Петроград [11, с. 26]. Значительное число дезертиров «обеспечивали» части самого Петроградского гарнизона. Так, в пехотных запасных полках в бегах числилось от 2 до 7 % личного состава, в гвардии – 0,1–0,2 % личного состава. Ориентировочно в городе находилось несколько десятков тысяч дезертиров, и их количество постоянно возрастало [9, с. 20].

Нарушители, представавшие перед военными судами, перемещались с фронта – из действующих частей или из маршевых рот – в полупреступную среду военных, нелегально находившихся в столице. После задержания они попадали

в запасные полки (в роты беглых), а оттуда, после суда и отправки на фронт, – в маршевые роты, откуда многие бежали вновь. Значительную часть правонарушителей составляли солдаты гвардейских частей. Бежавших из маршевых команд, которые направлялись в армию от запасных батальонов гвардейских полков, задерживали и передавали воинским уездным начальникам. Далее их передавали в Петроградскую запасную гвардейскую бригаду, с тем чтобы уже в ней над ними «беззамедлительно» производился военно-полевой суд (с июля 1915 года). Только в июле 1916 года, когда масштаб дезертирства из запасных полков гвардии стал очевиден, были подготовлены сообщения о таких случаях по каждой запасной части¹.

В Петрограде имело место применение всех четырех форм военного суда: дисциплинарного, в котором наказания налагались властью непосредственного начальства; полкового (или батальонного); военно-окружного; военно-полевого с ускоренным судопроизводством в случае наличия очевидных доказательств правонарушения.

При анализе деятельности военных судов необходимо учитывать обстоятельства, влиявшие на их работу: изменение самих законов в годы войны; разную трактовку норм суда, подсудности, послесудебных действий; зависимость от принадлежности Петроградского военного округа фронту или Военному министерству; поведение подсудимых в зависимости от ситуации в городе и стране.

Указанные аспекты превращали военные суды Петроградского гарнизона в своеобразную военно-юридическую лабораторию по борьбе с правонарушениями в условиях прифронтового города накануне революции. Здесь применялись все формы судов, происходил крайне интенсивный оборот преступности, который требовал квалифицированного определения подсудности всех совершивших преступление.

Обращаемость дел, судебных казусов в Петроградском гарнизоне была намного выше, чем в других частях театра военных действий. Ближе было начальство, к которому обращались в случае запутанности дел. Все стадии суда, большое число преступников (подсудимых) позволяли намного быстрее выявить противоречия, вмешаться, сделать необходимые выводы. Казалось бы, наличие такой мощной системы судов подразумевало хорошую возможность для пресечения любых форм воинских правонарушений.

Подавляющее большинство правонарушений в Петроградском гарнизоне носило характер проступков (нарушение форм чинопочитания, «трамвайных правил», ношения формы и т. п.) и подлежало ведению дисциплинарного суда ближайшего начальства. В марте–декабре 1916 года 2-я Петроградская комендатура задержала за различные нарушения установленных правил 64 306 чел., за более серьезные нарушения – 18 506 чел. Нарушители подлежали батальонному суду, приговаривавшему к кратковременным срокам наказания – до 1–2 месяцев гауптвахты и т. п. Военная полиция за указанный срок арестовала 327 офицеров и 6622 нижних чина, произвела 981 дознание². Это были фигуранты военно-окружного или военно-полевого судов. Кроме того, правонарушения происходили и в самих частях, что значительно увеличивало общее количество лиц, подлежавших военному суду.

В запасных частях Петроградского гарнизона скапливалась масса нарушителей, основную часть которых составляли самовольщики, задержанные за просроченный отпуск; отлучку из части; отсутствие документов; неявку на призыв; побег со службы; задержку в пути следования в свою часть; отлучку с казенных работ, из лазарета, команды, маршевой роты, распределительного пункта; просроченную явку из лазарета или отпуска; отставание от эшелона, а также задержанные за пьянство; ношение одежды

¹РГВИА. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 93. Л. 2–2 об., 336.

²Там же. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 2805. Л. 42–42 об.

не по форме; кражу со взломом; незнание, почему прислан; неотдание чести; неразрешенную езду в трамвае.

Значительное количество правонарушений приходилось на дезертиров. Формально под понятие «дезертир» подходили незадержанные нижние чины, совершившие самовольную отлучку из части, а также лица, уклонившиеся от военной службы³. Дезертирство превратилось фактически в обыденность. Особенно много бежали из 1-го, 3-го и 172-го пехотных запасных полков – именно туда посылали всех дезертиров, задержанных в прифронтовой зоне⁴. В качестве дезертиров рассматривали и солдат, бежавших на позицию, желавших как можно скорее принять участие в военных действиях. О стремлении избежать службы говорит и членовредительство, значительно усилившееся с конца 1915 года даже в запасных батальонах гвардии. В ноябре 1915 года по таким случаям был учрежден военно-полевой суд⁵.

Деятельность судов, наказание за указанные преступления зависели от многих обстоятельств. Одним из них было правоприменение на основе изменявшихся законов. Особенно трудно было отделить проступок от преступления в деле дезертирства (реже – членовредительства). Прежний, принятый еще до войны закон исходил из определения дезертирства в зависимости от срока самовольной отлучки из части либо от маршевой роты или даже от неявки на призывной пункт. Важным фактором, усугублявшим или ослаблявшим вину самовольщика, было место совершения правонарушения: в войсковом или тыловом районе действия армий.

С начала войны Петроград находился в составе войскового района 6-й (отдельной) армии, однако с 9 октября 1915 года Петроград

с пригородами перешел в общий тыловой район с подчинением напрямую штабу армий Северного фронта⁶. Вследствие этого главными в квалификации преступления как побега стали продолжительность отлучки и время пребывания на действительной военной службе. В данном случае ситуация с преданием суду осложнилась тем, что огромное количество самовольных отлучек не позволяло выяснить, действительно ли нарушители хотели оставить службу или это есть следствие неосторожности, невнимательности, особенно при условии, что в большом городе значительную часть ратников ополчения нередко составляли малообразованные крестьяне. Таким образом, под суд могло попасть очень много военнослужащих, совершивших, в сущности, проступок, а не преступление.

14 января 1916 года это привело к изменению закона о побегах, по которому самовольная отлучка или неявка в срок на службу рассматривались как побег не в зависимости от длительности отлучки или близости театра военных действий, а от наличия цели вовсе уклониться от военной службы. Если же такой цели не было, то в батальонном суде правонарушение считалось самовольной отлучкой⁷ [12, с. 192–207]. Данное обстоятельство обязывало суд и командование при самом дознании или в ходе судебного процесса выявить мотивы самовольной отлучки. Уже это представляло серьезные проблемы для деятельности судов, т. к. предполагало возможность вмешиваться в определение подсудности по самым разным поводам, включая личные пристрастия или даже политические соображения.

В реальности при определении мотивов, позволявших рассматривать уход из части как побег, принимались во внимание совпадение отлучки с отправкой маршевой команды;

---

³РГВИА. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 93. Л. 337.

⁴Там же. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 260. Л. 124.

⁵Там же. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 93. Л. 69–69 об.

⁶Там же. Л. 31, 57.

⁷Там же. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2686. Л. 20, 35 об., 38–39 об.; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 297.

продолжительность отлучки; задержание чинами полиции. Если такого совпадения не было, то дело разбиралось в батальонном суде. В случае необходимости определения умысла, влекущего за собой подробные дознания, экспертизу и т. п., дело передавалось в военно-окружной суд. Что же касается правонарушений гражданских лиц, т. е. не собственно военных, то их дела рассматривались в окружном или мировом суде.

Вопрос о направлении в конкретный суд – военно-окружной или военно-полевой – являлся важнейшим. В первом деле, как правило, затягивалось на многие месяцы и оканчивалось хотя и приговором, но с отсрочкой его применения на послевоенный период. До этого времени осужденный высылался на фронт, где мог заслужить прощение посредством проявления храбрости и т. п. В военно-полевом суде рассмотрение дела было быстрым, а приговор – окончательным. Таким образом, направление в конкретный суд в значительной мере предопределяло судьбу правонарушителя.

После принятия нового закона деятельность военных судов усложнилась. Прокурор военно-окружного суда стал требовать повторного рассмотрения дел в батальонном суде – для выявления мотивов отлучки, совершенной до изменения закона⁸. Отдавая дело батальонному суду, нередко назначавшему незначительные наказания за явное воинское нарушение, прокурор тем самым ослаблял действие нового закона. Начальство бригады, в свою очередь, также не утверждало направление дел нарушителей в военно-полевой суд, требуя нового рассмотрения в батальонном суде и настаивая на выяснении дополнительных данных для предания суду. В связи с этим командиры просили разъяснить, в какой суд передавать дела по побегам: военно-полевой, военно-окружной или ограничиться батальонным. Была еще одна возможность затянуть судебный процесс: если дезертир кроме побега совершил другое преступление (например,

кражу). После осуждения военно-полевым судом дело передавали в военно-окружной суд⁹, это приводило к затягиванию процесса и дальнейшему уходу нарушителя из военной службы.

Часть проблемы заключалась и в сложности самого судопроизводства, значительно возросшего за время войны в пехотных запасных батальонах. Так, например, обстояло дело с определением виновности лиц, вернувшихся добровольно из самовольной отлучки, очевидно, с целью избежать наказания. Согласно данным прокурора военно-окружного суда, таких дел о кратковременных, в 2-3 дня, отлучках только за май 1916 года поступило свыше 180¹⁰. Батальонные суды, ссылаясь на обременение делами, утверждали, что цель побега может быть доказана в перекрестном допросе только в военно-окружном суде. Но в конце 1916 года в батальонных судах по дезертирам образовалось большое количество дел. Начальство указывало на медлительность в рассмотрении дел в батальонах, что ослабляло «моральное значение суда», а в частях задерживался «худший элемент», получавший таким образом «привилегию» – продолжительное пребывание в тылу, а не на фронте.

Так, в 1-м пехотном запасном батальоне за январь–июль 1916 года за самовольные отлучки были осуждены 430 чел., а за побег – всего 42. В 3-м батальоне за это же время за самовольные отлучки наказаны 1086 чел., а за побег – 13. Всего в этом батальоне побывали в отлучке 2712 чел., вернулись 1671 и оставались в бегах 1041. В целом по пехотным запасным батальонам подлежали суду только несколько процентов из числа лиц, самовольно оставивших часть, хотя количество взысканий по всем батальонам постоянно росло. Начальство констатировало значительный рост дезертирства, указывало на ослабление дисциплины в батальонах, требовало завести списки осужденных, подлежащих отправлению на фронт, и следить за тем, чтобы

---

⁸РГВИА. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 228. Л. 38.

⁹Там же. Д. 93. Л. 89 об.

¹⁰Там же. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 9127. Ч. В. Л. 331–332.

нижние чины после суда не оставались в полку более четырех недель¹¹.

Большие трудности в работе испытывал и военно-полевой суд гвардии. Проблемы возникли уже при наборе членов суда. По мнению батальонного начальства, члены суда не соответствовали своему назначению, поскольку могли не знать всех областей уголовного, гражданского и военного права для определения виновности нарушителей. Также указывалось, что военно-полевые суды при запасных частях гвардии постоянно меняют личный состав, в котором (кроме делопроизводителей) вообще отсутствуют лица с юридической подготовкой.

Главной проблемой для суда в батальонах продолжали считать определение побега. Само намерение вовсе уклониться от службы определялось «до чрезвычайности разнообразно». По принятому толкованию, закон предоставлял военно-полевому суду «неограниченную свободу совести» при установлении степени виновности подсудимого. Так, в одном случае при наличии имеющихся улик суд мог признать полное отсутствие вины, а в другом – за правонарушение, являвшееся, в сущности, недоразумением, но оставшееся невыясненным в ходе краткого заседания суда, обвиняемый мог караться по всей строгости военного закона. В результате «при полной широте власти случайных судей» возникали разнородные приговоры по тождественным делам. Подсудимый, оправданный при одном составе суда, при другом мог получить тяжелое наказание, вплоть до каторги, и наоборот. В связи с этим в батальонах считали, что определение наказания по нормам воинского устава о наказании – задача вообще непосильная, предлагали упростить «лестницу наказаний», сократить несущественные для разьяснения дела судопроизводственные формальности¹².

Серьезное вмешательство в отправление правосудия было допущено начальником гвардейской

запасной бригады генерал-лейтенантом А.Н. Чебыкиным. От него зависело утверждение подсудности тем или иным судом. Чебыкин, как правило, избирал аргументы для направления нарушителей не в военно-полевой суд, на чем настаивали командиры батальонов, а в военно-окружной, что означало затягивание рассмотрения дела и, в сущности, было выгодно нарушителям, не отправлявшимся на фронт.

Так, на представление комбата Гренадерского полка о передаче в военно-полевой суд нарушителя, задержанного за мошенничество и самовольную отлучку из части почти на 3 месяца, за которые ушли на фронт две маршевые роты, Чебыкин возражал: в течение указанного срока нарушителю не могло быть известно об отбытии этих рот, что снимает вопрос о полной очевидности намерения уклониться вовсе или временно от военной службы. Этот же аргумент был использован, когда комбат того же полка представил запрос о передаче нарушителя в военно-полевой суд за отлучку в 7 месяцев, в течение которых ушло уже 14 маршевых рот. Чебыкин утверждал, что нарушитель не мог точно знать времени формирования рот, а тем более о своем в них назначении. В другом случае Чебыкин отказался отправить нарушителя в военно-полевой суд на том основании, что тот мог и не попасть в маршевую роту по состоянию здоровья.

Чебыкин также требовал дознания в военно-окружном суде для нарушителя, которого батальонное начальство обвиняло в членовредительстве, настаивая на полной очевидности его умысла избежать военной службы. Кроме того, генерал считал, что все, кто возвратился добровольно, не подлежали военно-полевому суду¹³. В сущности, Чебыкин выступал адвокатом нарушителей из гвардии. Такое поведение характеризует генерала как «карьериста», мечтавшего о создании из гвардейских запасных частей особого «резервного корпуса»¹⁴.

¹¹РГВИА Ф. 7699. Оп. 1. Д. 218. Л. 12–16, 20–27; Д. 213. Л. 499; Д. 217. Л. 48 об.; Д. 6. Л. 270 об.

¹²Там же. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 148. Л. 201–201 об.

¹³Там же. Д. 225. Л. 68–69, 72–76 об., 83, 89–90, 92–95, 98, 104–107 об., 110–112 об.

¹⁴Геруа Б.В. Воспомявая о моей жизни: в 2 т. Париж, 1970. Т. 2. С. 164.

В результате большинство дезертиров подвергалось осуждению в батальонном суде, где они получали легкие сроки с отбытием наказания после войны. Так, в январе 1917 года еженедельно по батальонам гвардии осуждались 240-280 чел., которые подлежали отправке в маршевые роты действующей армии, где они могли заслужить прощение – смыть свою вину кровью. Однако на фронт их часто не отправляли. Дело было в особой инструкции, согласно которой в маршевых ротах, направлявшихся на фронт, не могло находиться более 5 % осужденных. Очевидно, власти опасались «порчи» пополнений, а через них – и частей действующих гвардейских полков, но это приводило к скоплению дезертиров в самих частях. К тому же возникла проблема их обучения, потому что они находились под особым надзором. В этой ситуации появилась идея замены наказания для части таких осужденных на краткосрочное нахождение под арестом «на хлебе и воде», а затем они включались в общий состав обучающихся для отправки в армию. Наказание же по суду переносилось на послевоенный период¹⁵.

Поскольку в большинстве случаев кратковременный (даже неоднократный) уход из части и добровольное в нее возвращение трактовались как самовольная отлучка, наказание назначалось командиром батальона и, как правило, было очень легким. Так, например, в феврале 1916 года таким наказаниям в батальоне Кексгольмского полка были подвергнуты 22 чел., которым дали от 6 до 30 суток строгого или смешанного ареста. При этом пятерым из них арест был заменен на несколько часов нахождения под ружьем с полной выкладкой.

В марте в том же батальоне 13 наказанных за самовольную отлучку получили по 10–15 суток строгого или смешанного ареста на гауптвахте, притом четверем наказание было заменено нахождением под ружьем с полной выкладкой.

Ситуация не изменилась и к концу года, когда за ноябрь за самовольную отлучку 17 чел. получили такие же дисциплинарные наказания. В целом по батальонам гвардии виновные в самовольных отлучках в подавляющем большинстве случаев подвергались наказанию в дисциплинарном порядке (10–20 суток на гауптвахте), небольшая часть – батальонному суду (2–4 месяца военной тюрьмы или исправительного заведения), еще меньше – военно-окружному (4–6 или больше месяцев военной тюрьмы) и совсем единицы – военно-полевому (до нескольких лет каторги)¹⁶.

Но, даже будучи осужденным, дезертир отнюдь не всегда подвергался немедленному наказанию. Согласно приложению X к ст. 1429 Свода военных постановлений, осужденный военным судом, в случае если он может продолжать службу, отправлялся в армию с отбытием наказания после окончания войны. И только в случае неспособности к несению военной службы виновный в преступлении подвергался наказанию немедленно. Однако и эту его «неспособность» отдавали на усмотрение начальства, что означало отсрочку наказания. 31 декабря 1916 года было принято постановление, согласно которому до окончания войны откладывались все дела, не грозившие уголовным наказанием: осужденный отбывал в армию, где у него была возможность заслужить прощение¹⁷. Кроме того, многие осужденные ожидали амнистии после окончания войны и таким образом надеялись уйти от наказания.

Временная декриминализация воинских преступлений с отнесением наказания на послевоенный период привела к большому скоплению осужденных в запасных частях Петроградского гарнизона, где за ними не могли обеспечить надлежащий надзор. Дезертиры, даже находясь в специальных ротах для беглых, продолжали сбегать и вновь возвращаться в части.

¹⁵РГВИА. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 179. Л. 20–32, 39, 57, 78; Д. 93. Л. 297.

¹⁶Там же. Д. 148. Л. 123 об., 127–127 об., 132, 136–136 об., 138, 140, 152, 154 об., 157, 160, 168–168 об., 175–176 об., 179 об., 193, 195, 196; Д. 93. Л. 148–178.

¹⁷Там же. Д. 148. Л. 179.

Бежали даже с гауптвахт ввиду нехватки и плохой организации надзора. Были случаи побегов непосредственно после судебных заседаний, и правонарушитель мог распивать спиртное вместе с конвойными¹⁸.

Чтобы хоть как-то уменьшить нарастающую волну дезертирства, начальство вынуждено было прибегнуть к телесным наказаниям. Порядок наказания розгами был представлен в приказании главнокомандующего армией Северного фронта в июле 1916 года. Розги предусматривались для тех, кто совершал самовольные отлучки без умысла, но часто, и при этом не попадал под суд. Наказанию розгам подвергались и те, кто получил 2–3 месяца заключения в военной тюрьме с назначением к отправке на фронт с первой маршевой командой и отбытием наказания после окончания войны, но при этом оставался в части¹⁹. Как правило, таким наказаниям подвергались находившиеся в ротах беглые.

Были попытки применять розги и к гвардейцам. В проекте правил применения телесных наказаний в запасных частях гвардии указывалось, что эта «мера исключительная и должна и может применяться лишь в редких, чрезвычайных случаях, требующих немедленного и своевременного воздействия для поддержания нарушенной дисциплины или воинского порядка и устрашения разнузданных элементов»²⁰. Начальство требовало от командиров частей «крайней осторожности и предусмотрительности» в применении такого наказания. Несмотря на то, что инспектор войск гвардии великий князь Павел Александрович Романов не утвердил проект, в делах содержатся данные

о его практическом применении в отношении нарушителей в запасном батальоне 3-го стрелкового полка²¹.

В последние месяцы перед революцией военные суды превратились в яблоко раздора между штабом Северного фронта и штабом Петроградского военного округа. В штабе Северного фронта настаивали на неприменении права судить «своих» (т. е. бежавших из фронтовых частей) дезертиров. Командующий же округом генерал-лейтенант С.С. Хабалов настаивал на необходимости судить дезертиров в самом Петрограде, где они совершали большинство преступлений²². Эти разногласия между фронтовым и тыловым военным начальством сыграли не последнюю роль в создании условий для революционизации Петроградского гарнизона.

Только в начале 1917 года по решениям военно-полевых судов стало вводиться ужесточение наказаний за дезертирство. Первоначально это коснулось пехотных запасных батальонов, где стали назначать наказания по 8–10 и более лет каторжных работ²³. В гвардейских запасных батальонах перемены в отношении наказаний за преступления начались с февраля 1917 года. Возможно, это было связано с выделением Петроградского военного округа из состава Северного фронта с 3 февраля.

Еще в январе командующий запасными гвардейскими частями Чебыкин взял отпуск по болезни. Временно сменивший его полковник В.И. Павленков с середины февраля утверждал представления командиров батальонов об отдаче нарушителей военно-полевому суду с присуждением сроков наказания по 12–16 лет каторжных работ²⁴. А в приказе гвардейским запасным

---

¹⁸РГВИА. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 129. Л. 124; Д. 148. Л. 43 об.; Ф. 1343. Оп. 2. Д. 257. Л. 214; Д. 260. Л. 331–332 об.; Оп. 10. Д. 2840. Л. 170 об.

¹⁹Там же. Д. 107. Л. 122–123.

²⁰Там же. Д. 148. Л. 77–77 об.; Д. 161. Л. 22, 23, 78, 143, 148, 245; Ф. 2013. Оп. 1. Д. 13. Л. 23.

²¹Там же.

²²Там же. Ф. 2032. Д. 297. Л. 121–122, 125.

²³Там же. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 255. Л. 64, 96–99.

²⁴Там же. Оп. 8. Д. 23. Л. 14–16 об.

частям от 25 февраля 1917 года подобные дела предписывалось направлять только в военно-полевой суд при бригаде. Председателем суда был назначен полковник лейб-гвардии Егерского полка В.С. Кутепов 2-й, первое заседание было назначено на 3 марта 1917 года²⁵.

Анализ приведенных материалов по деятельности военных судов в Петроградском гарнизоне позволяет сделать следующие выводы. Во время войны в Петроградском гарнизоне в связи с резким усилением воинских правонарушений была развернута система военных судов в ее полном составе – от дисциплинарного до военно-полевого суда; налажена система учета правонарушений, дознания и судебного наказания, включающая его приведение в действие – как немедленное, так и после окончания войны. При этом осужденным была предоставлена возможность смыть вину кровью на поле боя в рядах действующей

армии. Так решался вопрос сочетания наказания с сохранением воинских ресурсов в условиях их нехватки в ходе затянувшейся войны.

Однако в силу недостатка организационных усилий, низкого качества офицерского состава судов, противоборства различных воинских инстанций по вопросу ужесточения наказаний, а также по политическим мотивам не удалось эффективно выстроить и осуществить правоприменительную работу военных судов по прекращению нарастания воинских преступлений. А главное – не удалось сократить количество дезертиров, критическая масса которых скопилась не только в городе, но и в запасных частях гарнизона. Легкости победы Февральской революции, несомненно, способствовала деятельность этого крайне революционного и бунтарского элемента, накоплению которого военно-судебная система не смогла препятствовать.

Список литературы

1. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне. 1917 г. Распад. М., 2015. 416 с.
2. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014. 982 с.
3. Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сб. докл. междунар. науч. конф. / отв. ред. проф. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. СПб., 2017. 380 с.
4. Веретенников Н.Н. Военно-полевые суды и первая русская революция // Власть. 2010. № 1. С. 115–118.
5. Военное законодательство Российской империи (Кодекс Русского Военного Права) / сост. В.Ю. Кудейкин, А.Е. Савинкин. М., 1996. 410 с.
6. Петухов Н.А. История военных судов России: моногр. М., 2010. 345 с.
7. Пчелинцев С.В. Суды в условиях особых правовых режимов. История и современность // Отеч. зап. 2003. № 2. С. 220–228.
8. Триполев И. Военные прокуроры Первой мировой... // Красная звезда. 2014. № 159. С. 6.
9. Асташов А.Б. Петроградский гарнизон накануне 1917 года: от повседневности прифронтового города к революции // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: История. 2017. № 1. С. 17–38.
10. Асташов А.Б. Россия XXI. Воинские преступления как фактор криминализации России в Первой мировой войне // Россия XXI. 2016. № 5. С. 62–81.
11. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. 103 с.
12. Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы первой мировой войны: Совет Министров в 1914–1917 гг. Л., 1988. 200 с.

References

1. Ayrapetov O.R. *Uchastie Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne. 1917 g. Raspad* [Participation of the Russian Empire in World War I. Year 1917. Disintegration]. Moscow, 2015. 416 p.

---

²⁵РГВИА. Ф. 16071. Оп. 1. Д. 225. Л. 113–114 об., 117.

2. Petrov Yu.A. (ed.). *Rossiya v gody Pervoy mirovoy voyny: ekonomicheskoe polozhenie, sotsial'nye protsessy, politicheskiy krizis* [Russia During World War I: Economic Situation, Social Processes, Political Crisis]. Moscow, 2014. 982 p.
3. Kalashnikov V.V., Men'shikov D.N. *Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda: problemy istorii i istoriografii* [The February Revolution of 1917: Problems of History and Historiography]. St. Petersburg, 2017. 380 p.
4. Veretennikov N.N. *Voенно-polevye sudy i pervaya russkaya revolyutsiya* [Drumhead Courts-Martial and the First Russian Revolution]. *Vlast'*, 2010, no. 1, pp. 115–118.
5. Kudeykin V.Yu., Savinkin A.E. (comps.). *Voенное zakonodatel'stvo Rossiyskoy imperii (Kodeks Russkogo Voennogo Prava)* [Military Legislation of the Russian Empire (Code of Russian Military Law)]. Moscow, 1996. 410 p.
6. Petukhov N.A. *Istoriya voennykh sudov Rossii* [The History of Russian Military Courts]. Moscow, 2010. 345 p.
7. Pchelintsev S.V. *Sudy v usloviyakh osobykh pravovykh rezhimov. Istoriya i sovremennost'* [Courts in the Conditions of Special Legal Regimes. History and Modernity]. *Otechestvennye zapiski*, 2003, no. 2, pp. 220–228.
8. Tripolev I. *Voенные прокуроры Pervoy mirovoy... [Military Prosecutors During World War I...]. Krasnaya zvezda*, 2014, no. 159, p. 6.
9. Astashov A.B. *Petrogradskiy garnizon nakanune 1917 goda: ot povsednevnosti prifrontovogo goroda k revolyutsii* [The Petrograd Garrison on the Eve of 1917: From Everyday Life of the Frontline City to the Revolution]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya*, 2017, no. 1, pp. 17–38.
10. Astashov A.B. *Voинские преступления как фактор криминализации России в Pervoy mirovoy voynе* [Military Crimes as a Factor of Criminalization of Russia in World War I]. *Rossiya XXI*, 2016, no. 5, pp. 62–81.
11. *Rossiya v mirovoy voynе 1914–1918 goda (v tsifrakh)* [Russia in the World War of 1914–1918 (in Figures)]. Moscow, 1925. 103 p.
12. Florinskiy M.F. *Krizis gosudarstvennogo upravleniya v Rossii v gody pervoy mirovoy voyny: Sovet Ministrov v 1914–1917 gg.* [The Crisis of Public Administration in Russia During World War I: The Council of Ministers in 1914–1917]. Leningrad, 1988. 200 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.6.5

Aleksandr B. Astashov

Russian State University for the Humanities;
ul. Nikol'skaya 15, Moscow, 109012, Russian Federation;
e-mail: astashsh@yandex.ru

MILITARY COURTS IN THE PETROGRAD GARRISON ON THE EVE OF THE FEBRUARY REVOLUTION

This paper dwells on the activities of military courts in Petrograd in 1915 – early 1917. The author investigates the ability of military authorities to take legal measures to combat military offenses in the Petrograd garrison on the eve of the February Revolution. Until now, this problem has been considered neither in historical nor special literature on the history of state and law. The paper studied military courts of all kinds (from summary to drumhead courts-martial), the legislation on courts for military offenses during the war, the law enforcement practice, and the post-trial fate of offenders. The purpose of this research was to review the work of military courts at the stages of committal for trial, investigation,

---

For citation: Astashov A.B. Military Courts in the Petrograd Garrison on the Eve of the February Revolution. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 6, pp. 5–15. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.6.5

and sentencing, as well as analyse the frequency and effectiveness of punishment. The author used a wide range of archival sources from the headquarters and reserve brigades of the Petrograd Military District. It should be noted that the most important part of the crime situation in Petrograd during World War I were military offenses (desertion, self-harm, etc.). They undermined military discipline in the Petrograd garrison and affected the quality of new recruits. This downfall of discipline was addressed by a network of military courts, military prosecutor's offices, and detention facilities. However, due to poor professional skills of the judges and conflicting views of different command authorities on the interpretation of jurisdiction and enforcement, military courts tended to mitigate the punishment of offenders and even decriminalized certain articles. Having analysed the dynamics of legal proceedings and law enforcement, the author comes to the conclusion that the work of military courts was inefficient and resulted in the accumulation of offenders (deserters) in Petrograd, which contributed to the military riot.

Keywords: *World War I, Petrograd garrison, desertion, military courts, February Revolution.*

Поступила: 14.05.2017

Received: 14 May 2017